

Глава 11: Царство мёртвых

Этим монахом-эзотериком был Шичахай.

В его тёмных глазах сейчас отражалась блестящая гладь озера.

Глубокое озеро, имевшее форму овала диаметром около десяти метров, было окружено белоснежными скалами. Его лазурно-чистая вода, словно спокойное и гладкое зеркало, инкрустированное в вершину горы, отражала синее небо, белые облака и величественные хребты, создавая уникальный и чарующий пейзаж.

Если бы это место не было одним из путей к подземному водохранилищу, его можно было бы превратить в живописный туристический объект, способный соперничать по известности с озером Тяньчи в горах Чанбайшань.

Перебирая чётки, Шичахай погрузился в озеро и начал стремительно опускаться на глубину, куда уже не проникал солнечный свет. Он был без какого-либо снаряжения для дайвинга, но, игнорируя давление воды и недостаток кислорода, легко преодолел несколько десятков метров.

Это было связано с практиками его школы. Посвящение в монахи-эзотерики включало в себя работу с праной, то есть с дыханием. Основными техниками были «кувшинное дыхание» и «ваджрное чтение», в тибетском эзотеризме известные как «йога ветра».

Освоив основы, монах мог задерживать дыхание как минимум на час.

Шичахай был монахом школы Ваджраяны. Некогда он был настоятелем (вторая по значимости должность после живого Будды) священного монастыря Самье в Тибете. Позже он покинул Тибет, отправился в Индию для дальнейшего изучения буддизма, а по возвращении на родину принял приглашение Организации и занял пост декана китайского филиала Мискатоникского университета.

Можно сказать, что Шичахай, за исключением живого Будды, был самым просвещённым монахом-эзотериком в Китае, поэтому задержка дыхания под водой была для него сущим пустяком.

Незаметно прошло восемнадцать минут. Шичахай опустился уже на сто метров и смутно разглядел впереди слабое мерцание.

Он поплыл на свет и примерно через десять метров оказался в широком пространстве. Каменные стены глубокого озера испускали голубое свечение, подобно прожекторам, освещающая всё пространство до самого дна.

По данным следственной группы Организации, это глубокое озеро вело прямо к подземному водохранилищу и имело глубину около 450 метров. К сожалению, исследователи смогли опуститься лишь на 375 метров. Попытки продвинуться дальше предпринимались, но все, кто пересекал эту красную черту, скоростно умирали.

Самым странным было то, что на лицах погибших застывала безмятежная улыбка, словно они видели сладкий сон, а не умирали внезапной смертью.

Шичахай взглянул на светящиеся стены и, хотя уже видел фотографии, невольно втянул холодный воздух. В стенах были выдолблены бесчисленные квадратные ниши со стороной в один метр, и в каждой из них покоилось тело.

Сверху донизу, слева направо, тысячи и тысячи ниш, тысячи и тысячи тел разных эпох, расположенных в строгом порядке. Это напоминало скальные погребения некоторых народов Китая.

Масштаб этого зрелища был грандиозен, но у живого человека, оказавшегося здесь, оно вызывало лишь онемение кожи головы, ужас и непреодолимое желание закричать от безумия.

Таково было истинное лицо запретной зоны четвёртого уровня — подземного водохранилища. В архивах Организации оно именовалось «Царство мёртвых».

Хуанцюань — путь в преисподнюю.

Они считали, что в центре подземного водохранилища находится тот самый ад, о котором тысячи лет говорилось в народных преданиях.

В правой руке Цэнь Цзинь держал тесак, в левой — окровавленный Тунлинтоу. Перед ним горел фонарь, а за спиной была приоткрыта деревянная дверь, за которой виднелась гостиная, похожая на место жестокого убийства.

Повсюду валялись куски плоти, обрывки конечностей и чёрные волосы, кровь текла рекой. Там был труп одноглазого монстра, лишившийся половины головы, и обезглавленное тело длинноволосой безликой женщины с отрубленными руками и ногами.

Одноногий дух земли был разорван пополам. Его ноги исчезли, а из разорванного живота виднелась наполовину переваренная голова безликой женщины.

Другая половина духа земли, хоть и была обездвижена, всё ещё жила и механически жевала лицо одноглазого монстра.

Хуже всего пришлось лесничему. Длинные волосы безликой женщины разорвали его на куски. Пустая кукла-марионетка и ошметки странных змей смешались с волосами, образовав чёрную, липкую, зловонную кучу мусора.

Единственной аномалией, способной двигаться, было Обиженное дитя. Одна её рука и нога были оторваны и съедены, плечо было рассечено глубокой раной, из которой сочилась кровь. Она ползла по луже крови, с ненавистью глядя в спину Цэнь Цзиню.

Цэнь Цзинь, не обращая внимания на её ненавидящий взгляд, размышлял о сложившейся ситуации.

Секунду назад он, обессиленный, лежал на крыльце, убаюкиваемый воплями и стенаниями, а в следующую — всё погрузилось во тьму, в которой не было видно даже вытянутой руки. Угрожая Тунлинтоу, он раздобыл фонарь.

Включив свет, он с изумлением обнаружил, что вместе с домом оказался в незнакомой пещере. Рядом журчала вода — весь дом плыл по тёмной реке!

Хижина в лесу неслась по течению, не встречая на пути ни рифов, ни водяных змей, ни других аномалий. Путешествие было спокойным, пока он не осветил фонарём берега и не увидел по обеим сторонам причудливых хранителей гробниц, похожих на тех, что были на вершинах Столпов священного пути, только вместо пицци в их пастях были беременные женщины с раздутыми животами.

Проплывая мимо каждого хранителя гробниц, Цэнь Цзинь внимательно следил за реакцией Обиженного дитя. Только убедившись, что оно никак не реагирует на этих зверей, он вздохнул с облегчением.

Он боялся, что хранители гробниц как-то усиливают Обиженное дитя, помогая ей поглощать другие аномалии, что было бы для него крайне невыгодно. К счастью, Обиженное дитя не реагировала на них.

Прошло около пяти минут с тех пор, как они вошли в тёмную реку, и Цэнь Цзинь услышал приближающийся топот торопливых шагов.

Благодаря своему острому слуху, он, ещё не погасив фонарь, услышал разговоры бегущих студентов и понял, кто это.

Он встал, чтобы поздороваться, но, едва он их увидел, как они, словно призраков, в ужасе бросились прочь.

Проводив взглядом их удаляющиеся спины, он смутно разглядел в темноте мелькнувшую огромную белую тень.

Цэнь Цзинь обернулся и вздохнул:

— Так это вы напугали студентов.

Тунлинтоу: «А ты на себя посмотри!»

Цэнь Цзинь с тесаком в руке вошёл в дом и добил ещё живые аномалии, оставив только Плачущее дитя. Затем он пошёл на кухню, взял ведро и собрал в него все останки. Этой еды Хижине в лесу хватит на несколько месяцев.

Закончив уборку, Цэнь Цзинь присел перед Обиженным дитя.

— Я человек слова.

Обиженное дитя забила в луже крови, пытаясь отползти от желтоволосого извращенца.

Желтоволосый извращенец схватил её за ногу, притащил обратно и с улыбкой сказал:

— Не бойся, я задам тебе один вопрос. Если ответишь правильно, я выполню условия сделки и оставлю тебе Хижину в лесу и всех остальных на съедение.

Обиженное дитя завизжала. Цэнь Цзинь поднял тесак, и она тут же испуганно замолчала.

— Спрашивай, что?

— Как стать твоим хозяином?

Плачущее дитя вытаращила глаза и посмотрело на Цэнь Цзиня, как на сумасшедшего.

— Такое невозможно! — в ярости отказалась она.

— Тогда я отрублю тебе руки, ноги и голову, а туловище разрублю на три части.

Плачущее дитя холодно усмехнулась, ничуть не испугавшись угрозы Цэнь Цзиня.

— ...А потом в два приёма скормлю Хижине в лесу.

Усмешка на лице Обиженного дитя мгновенно застыла.

— Как ты... — с недоверием прошептало оно.

— Как я узнал, что ты не умрёшь, даже если тебя изрубить в фарш, если только тебя не поглотит другая аномалия? — закончил за него Цэнь Цзинь. — Потому что ты — самая особенная аномалия из всех запретных зон. Ты умеешь говорить, у тебя есть человеческий разум. Ты — боль и ненависть первого ребёнка, погибшего от жестокого обычая забивания живых свай. Я примерно подсчитал время, это была династия Хань, около двух тысяч лет назад.

На самом деле, в видении он видел, что одежда людей явно принадлежала к эпохе Хань, и узнал, что лицо приносимой в жертву девочки было очень похоже на лицо Обиженного дитя.

— Как говорится, всё старое становится разумным, а ты не просто обычный дух. Я пытался общаться с другими аномалиями, но они знают только есть и убивать, в лучшем случае — имитировать мышечную память своего тела-носителя. Лесничий — типичный пример. Кроме тебя. И Хижины в лесу.

Сказав это, Цэнь Цзинь посмотрел на Тунлинтоу.

Тунлинтоу застыл. Если бы он был человеком, то сейчас бы обливался холодным потом.

— Я... я правда не хозяин дома.

— Я и не говорил, что это ты. Но, судя по твоим словам, хозяин всё-таки существует, — задумчиво произнёс Цэнь Цзинь.

Тунлинтоу растерялся. Какое слово его выдало?

— Потому что ты ни разу не отрицал существование хозяина. И когда я упомянул Хижину в лесу и посмотрел на тебя, нормальной реакцией было бы удивиться, почему ты умеешь говорить, а не отрицать, что ты хозяин. Ты пытался скрыть одно, но выдал другое.

— Почему я не могу быть хозяином? Может, я тебя обманываю, — возразил Тунлинтоу.

— Думаю, хозяин не настолько жалок, — спокойно посмотрел на него Цэнь Цзинь.

«...» — Тунлинтоу замкнулся в себе.

— Хозяина нет, но одноглазый монстр и безликая женщина, две опасные аномалии второго уровня, всё равно соблюдают правило ежемесячного кормления Хижины в лесу. Не потому, что они такие порядочные, а потому, что сама Хижина очень страшна. Я предполагаю, что если её вовремя не покормить, она «оживёт» и в ярости поглотит всё, что можно съесть. Вот что

значит «Хижина в лесу живая».

Цэнь Цзинь посмотрел на Обиженное дитя.

— Ты боишься яростной Хижины в лесу, но не боишься её, когда ещё не пришло время кормления. Поэтому ты согласилась на моё предложение избавиться от других аномалий и даже осмелилась войти в хижину и принять участие в битве. А почему я знаю, что тебя не убьёшь, разрубив на куски? Потому что сейчас ты, как рыба на разделочной доске, но ведёшь себя храбро и бесстрашно, что совершенно не соответствует твоему хитрому и умному образу.

Обиженное дитя на мгновение задумалась, стоит ли благодарить его за комплимент.

— Так что, подашь мне руку?

Обиженное дитя: «Подам я твоему папаше».

— Тогда на корм свиньям.

— Подожди!

Взгляд Цэнь Цзиня наполнился ободрением. Трещины на лице Обиженного дитя от ярости расширились, а цвет кожи из иссиня-чёрного стал угольно-чёрным, что выглядело крайне устрашающе. Обычный человек, увидев такое, наверняка умер бы от страха.

Тунлинтоу не мог поверить, что этот желтоволосый смог довести Плачущее дитя до такого состояния. Насколько же он должен быть извращенцем.

Обиженное дитя процедила сквозь зубы:

— Обмен.

Цэнь Цзинь похлопал Тунлинтоу.

— Просвети.

— Люди могут обмениваться с аномалиями, получая в обмен на что-то сверхъестественные силы или знания, — сказал Тунлинтоу.

— Как именно происходит обмен? — спросил Цэнь Цзинь.

— Например, если аномалии нужна еда, она может заключить сделку с человеком, дав ему власть, положение, богатство или вечную жизнь, чтобы он добывал для неё больше еды.

«Похоже на жертвоприношения злым богам?»

— Аномалия может обмануть? Как человек, заключивший сделку, может обезопасить себя?

— ...Может, — ответил Тунлинтоу, подумав, что этот желтоволосый извращенец слишком умён.

— Аномалия, заключившая сделку с человеком, обязательно ограничена в своих действиях и вынуждена полагаться на человека.

— Какими сверхъестественными искусстваами ты владеешь?

— Никакими.

Цэнь Цзинь молча посмотрел на него.

Тунлинтоу не выдержал презрительного взгляда желтоволосого и обиженно сказал:

— Сверхъестественными искусстваами владеют только боги.

— В этом мире есть боги?

Плачущее дитя злобно усмехнулось.

— Те высшие аномалии, которых вы, люди, боитесь, и есть те великие боги, которым мы поклоняемся.

Цэнь Цзинь вспомнил, что Чжоу Мань и его спутники говорили, что высший уровень опасности аномалий — «угроза миру», и их называют «богами». Это действительно редкость.

— Аномалии могут обмениваться между собой?

Услышав это, Тунлинтоу и Обиженное дитя с ужасом уставились на Цэнь Цзиня. «Да ты вообще человек?»

Цэнь Цзинь улыбнулся. Может, и да, а может, и нет.

Ответ Тунлинтоу был утвердительным, поэтому Обиженное дитя под принуждением заключила сделку с Хижиной в лесу, отдав половину своей крови в обмен на право жить в ней, официально

став одним из её обитателей.

Хижина в лесу будет вечно следовать за Обиженным дитя, а она, чтобы не быть съеденной проснувшейся от голода яростной хижинкой, будет вынуждена неустанно искать для неё пищу.

Раньше одноглазый монстр и безликая женщина охотились на других Плачущих детей, чтобы кормить Хижину, но теперь, когда Цэнь Цзинь их уничтожил, источник пищи был перекрыт, и положение Плачущего дитя стало очень опасным.

Другие Плачущие дети у Столпов священного пути были лишь заражёнными останками сознания погибших детей, без разума, эмоций и мудрости. Но это Обиженное дитя не хотела на них охотиться.

— Я буду каждый месяц приносить достаточно еды, чтобы накормить хижину, — сказал Цэнь Цзинь. — Условие — мы с тобой мирно сосуществуем.

Обиженное дитя с подозрением посмотрела на Цэнь Цзиня. «Неужели этот извращенец такой добрый?»

— Я хочу жить, а не поработать тебя. К тому же, у тебя есть другой выбор?

Выбора не было. Обиженное дитя не хотела охотиться на других плачущих детей и не хотела быть съеденной хижинкой, поэтому ей оставалось только принять протянутую Цэнь Цзинем оливковую ветвь.

— Хорошо.

— Меня зовут Цэнь Цзинь. Теперь мы соседи, надеюсь, мы поладим, — сказал Цэнь Цзинь, молча отметив для себя ещё одну особенность Обиженного дитя, помимо разума, — эмоции.

Разум и эмоции — главные черты, отличающие человека от других существ на Земле. А эти две аномалии, Обиженное дитя и Тунлинтю, вели себя слишком по-человечески.

Цэнь Цзинь принёс ведро и накормил Обиженное дитя.

— Кстати, сколько всего пар Столпов священного пути?

Обиженное дитя, жадно пожирая останки других аномалий, подняла свои бледные глаза.

— 182 пары.

Цэнь Цзинь удивлённо поднял бровь, но не успел ничего сказать. Часы на его руке внезапно замигали красным светом, и через несколько секунд механический мужской голос произнёс:

— Поздравляем абитуриента Цэнь Цзиня с выполнением дополнительного задания и прохождением с высшим баллом серии экзаменационных испытаний Мискатоникского университета, которые за десять лет не смог пройти ни один человек. Гарантируется безусловное зачисление...

Цэнь Цзинь холодно усмехнулся, снял часы и приготовился их разбить.

— ...и присуждается премия лучшему первокурснику в размере трёх тысяч.

Цэнь Цзинь замер.

— Каждые полгода.

Цэнь Цзинь осторожно надел часы обратно. С этого момента, где Ми-Да, там и дом.

— С этого момента абитуриент Цэнь Цзинь является первокурсником Мискатоникского университета. Просьба явиться на учёбу через пять дней. Объявляются три правила для первокурсников Ми-Да, которые первокурсник Цэнь Цзинь обязан соблюдать каждую минуту и секунду.

1. Богам верить нельзя.

2. При встрече с аномалией (богом смерти) и невозможности получить помощь принять меры: переговоры, штурм, контроль, уничтожение. До самой смерти.

3. В течение часа изо всех сил признайтесь в любви, моля о благосклонности бога.

Желаем вам приятной жизни.

Цэнь Цзинь: «...?»

<http://bllate.org/book/13658/1582785>